

ДАНЬ ХУДОЖНИКОВ

Чехов сыграл огромную роль не только в истории мировой художественной литературы и мирового театра двадцатого века, но и в его истории изобразительных искусств.

К образу самого Чехова много раз обращались художники-портретисты — живописцы, графики, скульпторы, начиная с Валентина Серова, создавшего прекрасный акварельный портрет Чехова, быть может, самый верный и самый близкий к сокровенному душевному миру Чехова. Бесчисленные чеховские спектакли с великим удовольствием оформлялись крупнейшими художниками, мастерами театральной декорации и театрального костюма. Но особенно важным было значение и особенно глубоким было влияние Чехова для искусства книжной графики — точнее, художественной иллюстрации к произведениям литературы. Об этом я и хочу сказать несколько слов.

Чехов, великий мастер драматического действия и глубочайший, несравненный знаток душ человеческих, несчетное множество раз давал художникам возможность показать их собственное мастерство тончайшей психологической характеристики, собственное умение передавать самые разные душевные движения и душевные состояния героев его повестей и рассказов, умение верно и тонко выражать их чувства — радостные и грустные, беззаботные и остро драматические, нередко трагические. Ни откровенная сатира, ни забавный гротеск, ни бытовая описательность никогда не давали художникам возможности достигнуть самых основных и самых важных качеств чеховского творчества — его драматической силы, его психологической глубины, его доброты и сердечности в отношении людей, достойных этой доброты и сердечности. Чехов ведь не щадил никакой эгоизм, никакое самомнение и чванство, никакую злобу и жестокость, никакое нытье, оправдывающее пассивную бездельность и неспособность противостоять силам зла. Его мощное жизнеутверждение требовало и от художников, решавшихся иллюстрировать самые значительные его творения, не только понимания основных принципов отношения писателя к миру и человеку, но и безусловного им подчинения.

Никаких «ассоциаций» по поводу Чехова, никаких собственных сочинений «по мотивам Чехова», никакого невнимательного и небрежного произвола высокое искусство Чехова не допускает.

Среди многих серий иллюстраций к повестям и рассказам Чехова три серии я считаю особенно удавшимися и особенно значительными, принадлежавшими к числу тех, что определили основные пути художественной эволюции и основные достижения советской книжной графики за последние сорок лет — от времен Великой Отечественной войны до наших дней: рисунки Кукрыниксов к «Даме с собачкой» (1945), Д. Дубинского к «Дому с мезонином» (1954) и Б. Басова к «Палате № 6» (1975—1978). Эти три прекрасные серии рисунков являются достойной данью памяти великого писателя.

Рисунки Кукрыниксов к «Даме с собачкой» были сделаны на исходе военных лет, и это во многом определило их характер и их значение. Был естествен и закономерен столь, казалось бы, неожиданный и резкий переход от героического напряжения и мучительной тревоги военного времени к такому как будто бы сугубо мирному и далекому от современных чувств и мыслей образному строю замечательного чеховского рассказа — на самом деле подлинно драматическому, глубоко взволнованному, пронизанному великой сердечностью и жалостью к людям. Даже у Чехова не так много рассказов, столь же напряженных и тревожных — из-за безвыходности той сложной и драматической ситуации, в какую оказались вовлеченными два главных героя этого рассказа, и в то же время столь же сердечных и нежных по отношению к этим людям, мучающимся из-за ломающих их жизнь уродливых условий старой русской действительности.

Кукрыниксы выполнили для небольшого рассказа более сорока иллюстраций, переведа его целиком в вереницу зрительных образов, следуя каждому повороту действия. Таким образом, в серию рисунков был словно включен самый ход времени, со всей наглядностью отмечающий и показывающий все последовательные этапы трудной судьбы героев. Серия рисунков явно сближалась с кинофильмом.

В этой серии очень хороши два образа: «Дамы с собачкой» — Анна Сергеевна и Гуров, встретившийся ей на набережной Черного моря. Их встреча, за которой следуют другие встречи, рождение и возращение глубокого взаимного чувства, драматические сцены максимального напряжения этого чувства, расставания, новой встречи и новых, безнадежно безысходных встреч в Москве — все прослежено и показано художниками с той же человечностью, симпатией и заинтересованностью, что и у самого Чехова. Светлому настроению начальных эпизодов соответствует светлый, солнечный тон черной акварели, который сгущается и темнеет в сценах драматического напряжения, горестных и тяжелых. Весь ритм рассказа, то медлительный, то резко убыстряющийся, виртуозно передан в этих сменяющихся друг друга рисунках. Развернутая Чеховым горькая и тяжелая история двух любящих сердец с великим вниманием и деликатностью перелита художниками в свою прекрасную серию, — как я думаю, высшее достижение Кукрыниксов в сфере книжной графики.

То, что через десяток лет создал Давид Дубинский, не уступает по мастерству и значительности серии Кукрыниксов. Дубинский стремительно выдвинулся с начала пятидесятых годов в первый ряд мастеров советской графики и вырос в своем творческом развитии так быстро, будто предвидел непомерно короткий срок, отведенный ему судьбой: уже в 1960 году он умер — прекрасным, всеми любимым и прославленным мастером. Рисунки к «Дому с мезонином» — из бесспорных вершин удивительного творческого пути художника.

«Дом с мезонином», подобно «Даме с собачкой», — один из самых печальных и тяжелых рассказов Чехова, проникнутый величайшей добротой и человечностью. И снова — встреча, и родившаяся любовь двух достойных и прекрасных людей — молоденькой Мисюся и приехавшего на эту землю художника — наталкивается на холодное, чужое сопротивление, прихоти ради разлучающее любящих. Дубинский сыскал прелестный облик главной героини рассказа, нашел и прекрасный облик любящего ее художника. Но он не пожалел хоть и сдержанного, но несколько не скрытого презрения к старшей, необычайно «правильной» и самоуверенной сестре Мисюся — Лидии, которая сочла нужным оборвать и разрушить непонятное и неприятное ей взаимное чувство сестры и художника. Чехов тоже не пожалел здесь внешне спокойных, вежливых, но поистине kloкочущих негодованием слов по адресу лицемерной и жестокой Лидии. Дубинский во всем строго следовал за Чеховым.

В этой серии легких, нежных черных акварелей Дубинского трудно выбрать лучшие рисунки. Их сравнительно немного, но они большие по размеру и все посвящены героям рассказа — это почти что ряд групповых или одиночных портретов, раскрывающих в своем чередовании грустную и в то же время светлую историю двух главных героев рассказа. Снова серия рисунков похожа на превосходно срежиссированный спектакль, неуклонно и точно следующий чеховскому тексту. Я подчеркиваю это полное подчинение духу, смыслу и форме литературного произведения, которое только и дает полную возможность во всем блеске раскрыться творческой индивидуальности художника, создателя иллюстраций.

Третья серия рисунков, достойная стоять в ряду высших достижений советской книжной графики, посвященных Чехову (а вместе с тем

и лучших созданий вообще всей советской книжной графики), была выполнена Бениамином Басовым. Художник долго работал над этой серией. Он брал и делал заново во второй и третий раз свои прекрасные рисунки — в силу благородной, но все же непомерной требовательности к себе (и, прибавлю, непомерной скромности, побуждающей не верить в явные собственные успехи). «Палата № 6», которую выбрал Басов для иллюстрирования, — это один из самых трагических рассказов Чехова, и перевести его в ряд иллюстраций — задача, которая по плечу только первоклассному мастеру. Но Басов, один из сильнейших и крупнейших современных художников-графиков, уже не раз решал раньше задачи несколько не меньшей трудности и сложности.

Если в двух предыдущих работах Кукрыниксов и Дубинского, как и в тех рассказах Чехова, к которым были сделаны иллюстрации, господствовал лирический, интимно-камерный душевный строй, хоть и противостоящий несправедливости и неустойчивости тогдашней жизни, то «Палата № 6» представляла собой открытый политический вызов царскому режиму, перерастая в символическое обобщение всей государственной и общественной русской действительности незадолго до революции 1905 года. Психологический анализ, суровый, почти жестокий, доведен здесь Чеховым до уровня самых трагических созданий Достоевского. Сумасшедший дом, в котором в качестве врача работает, а потом заканчивает и свою жизнь главный герой рассказа, — очень трудный и поистине страшный материал для художественного перевоплощения в графике.

Но Басов смело взялся за решение столь трудного замысла и решил его блестяще. Его рисунки действительно перевели трагический строй чеховского рассказа в высокий величавый эпос вне всякого снижающего натурализма, вне какой-либо чрезмерно обостренной экспрессии, но очень сдержанно, строго, внешне даже спокойно, что лишь подчеркивает и обнажает трагический смысл этого создания Чехова.

Так, я думаю, искусство советской графики отдало достойную дань уважения и почитания одному из самых прекрасных и самых величайших русских писателей.

А. ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения.

● Кукрыниксы. Первое знакомство. Из иллюстраций к рассказу А. П. Чехова «Дамы с собачкой».

СЕРИЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

29 ЯНВ 1985

63